

Иван Александрович Фомин – директор издательской и консалтинговой группы «Праксис», шеф-редактор журнала «Сократ», философ, социолог, политический аналитик

Россия 2012 – актуальность будущего

Отсутствие дискурса будущего (ДБ) является сегодня ключевой проблемой российской актуальной политики, реализуемой властью. Отказываясь включать ДБ в свою текущую работу, нынешняя российская элита тем самым лишает себя этого будущего во всех возможных смыслах.

Отсутствие будущего как примета и требование нашего времени

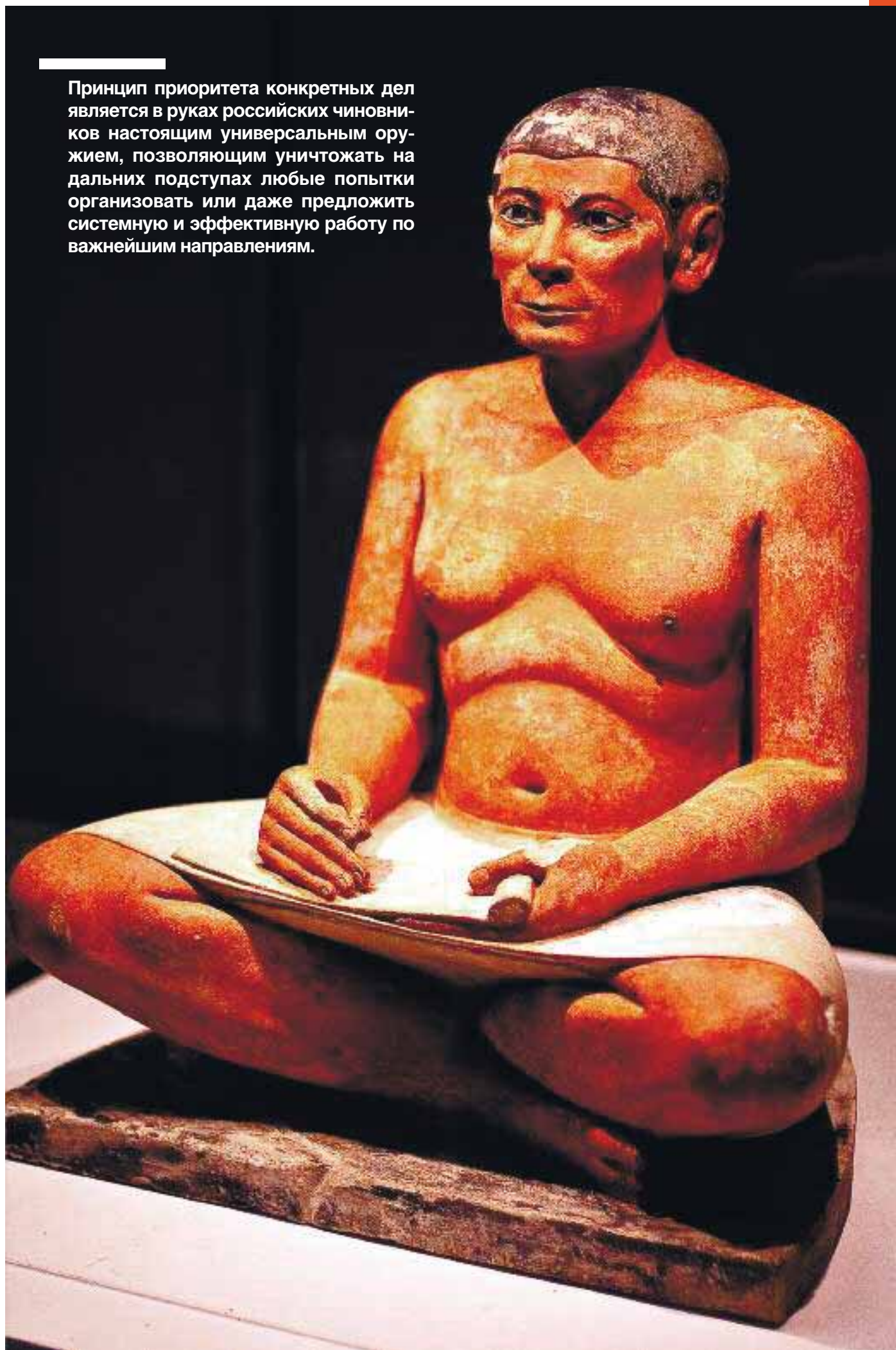
В Российской Федерации на протяжении ее пока еще недолгого существования во всех важнейших проектах практически полностью отсутствует реальный и значимый ДБ. Можно даже сказать, что последние годы будущее находится под негласным запретом. Просто вся работа государственных органов в РФ строится по принципу приоритета так называемых конкретных дел, или реальных дел над любым планированием и попытками построить целостную картину происходящего, имея в виду средне-

срочную и в особенности долгосрочную перспективы.

Этот принцип приоритета конкретных дел является в руках российских чиновников настоящим универсальным оружием, позволяющим уничтожать на дальних подступах любые попытки организовать или даже предложить системную и эффективную работу по важнейшим направлениям.

Мне приходилось несколько раз участвовать в обсуждении возможностей организации эффективной российской интеллектуальной и идеологической политики на постсоветском пространстве. В этих разговорах принимали участие и те люди, от которых такая политика на тот момент зависела и которые могли на нее повлиять в ту или иную сторону. Мы с коллегами указывали на очевидные вещи. Хотя бы на то, что для начала нужно признать необходимость системной и долгосрочной политики – скажем, в интеллектуально-идеологической и информационной сферах – со стороны РФ на постсоветском пространстве. Или на то, что аналогич-

Принцип приоритета конкретных дел является в руках российских чиновников настоящим универсальным оружием, позволяющим уничтожать на дальних подступах любые попытки организовать или даже предложить системную и эффективную работу по важнейшим направлениям.

Не является ли эта самовоспроизводящаяся элита четко организованной антисистемой, делающей невозможными все системные усилия на контролируемых ей направлениях?

ную политику реализуют наши геополитические оппоненты — ЕС и США — например, в отношении той же Украины (а сегодня все более явно — и на территории самой РФ). Мы всегда обращали внимание и на то обстоятельство, что указанная системная и долгосрочная информационная и общественная политика уже давно реализуется в РФ крупнейшими корпорациями — нефтегазовыми и многими другими.

В ответ на эти, казалось бы, очевидные аргументы, подкрепленные примерами из практики, мы слышали лишь разговоры о какой-то куче конкретных дел, которые наваливаются одно за другим.

Выглядело это во всех случаях примерно так: «У нас через неделю конференция, посвященная 300-летию российско-нероссийских связей. Потом визит патриарха. Потом конгресс писателей на пароходе “Михаил Светлов”. Потом открытие памятника Тарасу Бульбе. Потом смотр оркестров народных инструментов. А потом симпозиум в Венеции, где мы выступим с отчетом о проделанной работе. Как видите, голову поднять некогда. И не до вас вообще и ваших каких-то фантазий и неконкретных предложений».

Когда я это слышал, я все время вспоминал один апокриф о телефонном разговоре Сталина с неким областным первым

секретарем. Когда Сталин по телефону осведомился о состоянии дел в области, тот начал сбивчиво и захлебываясь говорить, что, мол, такая у нас куча дел, товарищ Сталин, что, дескать, и присесть некогда, весь день на ногах, ношусь как сумасшедший, язык на плечо буквально и т.д. В ответ на эту тираду Сталин якобы произнес: «Вы меня хорошо слышите?» «Да, товарищ Сталин», — последовал ответ. «Ну, так вот, — продолжил вождь, — оставьте в покое свою кучу дел, прекратите носиться как сумасшедший, снимите язык с плеча и начните, наконец, работать».

Именно эту фразу всегда хотелось сказать занятым людям, потонувшим в своей «куче дел», но умудрившимся тем не менее за все постсоветское время не выстроить никакой системной, структурирован-

ной и — главное — эффективной политики ни внутри России, ни за ее пределами.

Сначала я искренне удивлялся просто персональной ограниченности отдельных чиновников, неумению разглядеть лес за деревьями и непониманию того простого факта, что хаотическая сумма их конкретных дел никогда сама по себе не сложится в искомый результат. Если, конечно, не будет заранее спланирована, объединена некоей идеей, образом будущего в систему согласованных действий и мер, в некую долгосрочную стратегию.

Потом я понял, что отмеченное систематическое уклонение от организованной работы нельзя объяснять просто личными качествами каких-то лиц или, напротив, отсутствием тех или иных необходимых качеств. Все гораздо тоньше. Такое поведение — ника-

Тут, думается, действует или откровенный цинизм, или некий фатализм — «не мы построили, не нам менять» эту антисистему, или уже искренняя вера в то, что по-другому не бывает.

кая не глупость, а самая настоящая стратегия — точнее, антистратегия, принятая в РФ на самом высоком уровне. Суть этой антистратегии как раз и заключается в том, чтобы не иметь никакой стратегии, никакого внятного образа будущего, наличие которого является фундаментом любого системного подхода и любого планирования, а значит — любой эффективной деятельности.

Антисистемность как системное условие существования российских элит

Антистратегия российской элиты заключается в том, что-

бы вольно или невольно разрушать и дискредитировать даже самые робкие попытки построить хотя бы относительно краткосрочную стратегию, бесконечно рассеивая в пространстве и времени все имеющиеся в ее руках ресурсы.

При этом, повторюсь, стратегический и системный подходы к решению проблем, к развитию неких устойчивых тенденций, планирование (среднесрочное и долгосрочное) прекрасно работают сегодня в крупнейших российских корпорациях. Тем не менее такой подход категорически не приживается в РФ на государственном уровне, притом что многие крупные менеджеры периодически перехо-

Так как сущностной характеристикой антисистемы является перманентный распад, то в самом этом принципе заложена ее гибель.

дят с государственной службы в корпорации и обратно.

Осознав, что здесь мы имеем дело не только и не столько с глупостью конкретных чиновников, сколько с тотальной реализацией этой антистратегии, я стал анализировать, что стоит за подобным последовательно применяемым и культивируемым стилем работы нашей государственной политики по всем важнейшим направлениям. Разумеется, здесь в избытке и обычной глупости, но ведь нельзя никуда уйти от того простого факта, что ведь кто-то именно этих чиновников набирает на те или иные позиции и постоянно их воспроизводит. При этом весь иной человеческий

материал, все иные идеи, подходы и представления последовательно выносятся на периферию. Не является ли эта самовоспроизводящаяся элита четко организованной антисистемой, делающей невозможными все системные усилия на контролируемых ей направлениях?

Вряд ли, конечно, над организацией такой антисистемы усердно трудятся некие опереточные злодеи, всячески мешающие формированию российской эффективной политики, хотя, возможно, есть и такие персонажи. Здесь существует целая иерархия мотиваций и идеологий, на совокупности которых антисистема и держится. Для большинства

ее агентов реальным приоритетом является отнюдь не эффективная работа курируемых ими ведомств и направлений.

Их заботят в первую очередь образ жизни и общественный статус, которые гарантирует факт принадлежности к антисистеме. При этом все, что относится не лично к тому или иному чиновнику, но к самому функционированию той системы, на благо которой он официально работает, является лишь отвлекающими маневрами, симулякрами, информационными поводами и имиджевыми ходами. То есть приемами, позволяющими данному чиновнику сохраняться в своем качестве и тем самым поддерживать собственный статус.

Разумеется, игроки высокого уровня, действующие в этой антисистеме, не могут не по-

нимать ее сущностных оснований, ее базовой ориентации на создание симулякров и образов в качестве поводов для поддержания и наращивания уровня потребления и обеспечения статуса. Но тут, думается, действует или откровенный цинизм, или некий фатализм — «не мы построили, не нам менять», или уже искренняя вера в то, что по-другому не бывает.

Эти люди, именуемые российской элитой, или российским политическим классом, просто приняли однажды эту стратегическую антисистемность и «запрет» на будущее как фундаментальное правило поведения для пребывания в облюбованной ими социаль-

Основополагающим принципом антистратегии является системный запрет на ясное и целостное знание собственной социально-политической реальности.

ной страте. Они четко понимают, что попытка отказа от таких правил или их изменения приведет к утрате обретенного статуса и прочим неприятностям. Сами же эти правила были сформулированы и приняты 20–25 лет назад — при смене формата и концептуальной рамки развития, при вызревании фундаментального решения строить «независимую Россию» на месте «тоталитарного советского кошмара». И эти правила до сих пор являются определяющими и абсолютными.

В рамках действия указанных правил, в пространстве функционирования антисистемы любые попытки поднять вопрос о ДБ выглядят как некий бунт против существующего миропорядка, как шаг, направленный против антисистемы и потому подлежащий удушению в самом зародыше, что успешно этими элитами и реализуется.

Любые попытки внести в ныне действующую государственную политику РФ элементы ДБ всячески дискредитируются, высмеиваются, марги-

Налицо огромный дефицит просто знания, адекватного представления о том общественно-политическом поле, контролировать которое намерена власть.

нализируются или попросту игнорируются представителями правящего класса.

ДБ присутствует и работает там, где он нужен. Например, как уже отмечалось, в корпоративной сфере. Корпорации заинтересованы в эффективной работе как с собственными трудовыми коллективами, так и с населением подведомственных территорий. Акционеры ведь не простят менеджменту неэффективности. Поэтому высший менеджмент

корпораций прекрасно понимает, насколько необходим ДБ в реальной работе с настоящим. Такой менеджмент не нужно убеждать в необходимости выработки некоей идеологии развития, перспективного планирования, в безальтернативности создания на этой основе эффективных долгосрочных систем. В конце концов, корпорация просто обязана быть по-настоящему эффективной, поэтому там никто не простит менеджеру непони-

мания важности системной долгосрочной стратегической работы с наличной реальностью.

Соответственно справедлив и обратный вывод. Раз в государственной сфере подобных системных и стратегических задач никто не ставит, более того, раз они всячески высмеиваются и дезавуируются, то, следовательно, в эффективности нынешней РФ никто из нынешнего политического класса не заинтересован. Поскольку указанная антистратегия в РФ построена на диссоциации, расслоении уже имеющихся, созданных ранее систем путем их конвертирования во все более мелкие частные интересы, она по определению не может существовать долго. Так как сущностной характеристикой антисистемы является перманентный распад, то в самом этом принципе заложена ее гибель.

Основные принципы антистратегии российского политического класса

Основополагающим принципом антистратегии является системный запрет на ясное и целостное знание собственной социально-политической реальности. Как ни парадоксально, но при наличии значительного количества различных центров, институтов, экспертных и аналитических организаций у ныне действующего политического класса РФ отсутствует ясное целостное представление о ряде проблем. Например, о совокупности процессов, которые образуют сам общественно-политический ландшафт РФ. Или о возможностях развития таких процессов — возможностях, которые позволили бы говорить о будущем политической системы РФ, понимать и моделировать различные варианты этого буду-

шего. Разумеется, этот негласный запрет всегда будет публично яростно отрицаться, но он тем не менее существует, имеет системный характер и вытекает из самой сущности описанной выше антисистемы. Системная работа с реальностью может строиться только на анализе этой реальности, на ее изучении и картографировании. Но действующий политический класс прочно огражден от какого бы то ни было представления о той социально-политической реальности, с которой он якобы работает. И это обстоятельство является залогом сохранения устраивающего его положения вещей.

Ведущие социологические центры интенсивно занимаются текущими количественными замерами. Но проблема состоит в том, что все эти замеры имеют ситуативный и бессистемный характер, фиксируют некие моментальные предпочтения, реакции, выборки респондентов и не оказываются элементами долгосрочных системных исследований. Полученные количественные данные не обобщаются, не анализируются и не используются для построения целостных моделей развития. Общественные тенденции не анализируются во всей полноте и по всем ключевым сегментам, которые формируют сложные общественные процессы и которые необходимо учитывать. Например, процессы не изучаются на институциональном уровне, а также на уровне развития интеллектуально-политических и идеологических тенденций. То есть почти совершенно не исследуются интеллектуальное и идеологическое поля, на которых формируются ключевые общественные и политические идеи, не исследуются культурные, исторические, конфессиональные, национальные и иные

контексты, причем именно на качественном и системном уровнях.

Властные институты как основной заказчик социологических исследований подобного рода получают многочисленные разрозненные количественные данные, не сведенные в целостные и практически ориентированные модели развития. Поэтому эти данные оказываются фактически бесполезными, а иногда и вводящими в заблуждение. Правда, отдельные исследовательские структуры в РФ пытаются проводить именно качественные и аналитические исследования, но эти исследования, как правило, не попадают в центр внимания политических элит и не влияют на процесс принятия решений — они попросту остаются невосстребованными. Абсолютное же большинство аналитических институций, как это исторически сложилось еще в 90-е годы, представляют собой, по сути, PR-структуры, обеспечивающие информационную и общественную поддержку уже принятых и известных решений власти, но никак не способствующие выработке новых решений и донесению неизвестной и новой информации.

Налицо огромный дефицит просто знания, адекватного представления о том общественно-политическом поле, контролировать которое намерена власть. Можно опросить тысячу человек, но при этом так и не выявить, что кто-то из них является активным общественником, экологом или анархистом, кто-то участвует в обсуждении или даже формировании некой новой повестки дня в своей социальной группе. А кто-то, при сохранении ситуативной лояльности, не приемлет официальной политики в силу имеющихся эстетических, культурных или идеологических ориентаций.

Кто-то на личном уровне высказывает одни оценки, но при этом включен в работу институтов или групп, которые являются носителями прямо противоположных ценностей. И для данного человека лояльность этой группе или институту при всех расхождениях может быть важнее, чем его личное и субъективное отношение к тому или иному вопросу.

Оценить все перечисленные особенности социально-политического ландшафта возможно лишь при совмещении количественных данных с методиками, использующими различные оптики. Только так получится составить объемную, многомерную, стереоскопическую, реалистическую и практически ориентированную картину развивающихся в обществе процессов, прогнозировать их развитие, выстраивать различные модели будущего с опорой на реальные тенденции, проявляющиеся в настоящем. Но подобные системные исследования возможны лишь в контексте долгосрочных задач, которые должен ставить перед собой действующий политический класс. Если же таких задач не ставится, то исследования в этой области сводятся к многочисленным моментальным замерам. А существующая в РФ «индустрия замеров» не вскрывает обычно никаких важных тенденций, которые сначала развиваются именно на идеологическом уровне, а потом постепенно «спускаются» на уровень информационный, общественный и политический.

Запрет на идеологии как ключевая часть антистратегии элит

Пространство формирования и развития идеологий как системных представлений и образов будущего не исследуется в силу еще одного фунда-

Идейно-смысловое и интеллектуальное поля, играющие колоссальную роль в контроле над полем политическим, остаются фактически без внимания со стороны российской государственной политики.

ментального запрета, действующего в коридорах российской власти, — запрета на идеологии. Противники присутствия ДБ в российской политической практике в качестве основного аргумента, оправдывающего их мнение, ссылаются, как отмечено выше, на «конкретность» их деятельности. Такая «конкретность», по их уверениям, не нуждается ни в какой эфемерной, нереалистичной и отстраненной от нужд текущей политики «идеологии». Надуманным и несерьезным — то есть «идеологическим» — объявляется ими всякий разговор о будущем, о необходимости общих понятийных и стратегических рамок для последовательного движения вперед.

В результате идейно-смысловое и интеллектуальное поля, играющие колоссальную роль в контроле над полем политическим, остаются фактически без внимания со стороны российской государственной политики.

Между тем действия наших ключевых геополитических оппонентов на постсоветском пространстве и в самой РФ начинаются именно с формирования комплекса неких перспективных идеологий — то есть тех идей и смыслов, которые они намерены продвигать и прививать на «осваиваемых» ими территориях. Они то как раз прекрасно понимают значение идей и идеологем, ключевых смыслов и смысловых конструкций, которые

собственно и называются идеологиями и которые представляют собой фундамент любой «реальной» и «конкретной» работы. И только такие идеологии способны сделать эту работу осмысленной, целесообразной, упорядоченной и даже просто эффективной. Любая современная идеология — это прежде всего некий перспективный и привлекательный образ будущего. Образ, который как бы собирает воедино и делает осмысленным настоящее. Современная идеология, конечно, не имеет ничего общего с тем малопривлекательным представлением, которое рисуют в своем воображении российские чиновники, смолodu напуганные курсами истмата и диаматы в своих высших парашколах, составивших их основное образование в 70–80-х. Между тем современная идеология всегда многомерна, она обладает модульной мно-

гоуровневой структурой, рассчитанной на трансформации и адаптации к различным условиям и аудиториям. Современная идеология мобильна и пластична. Она имеет свои версии для многих социальных и политических групп, территорий, конфессий, национальностей, профессиональных и иных сообществ, которые и составляют живую ткань общества и на которые накладывается такая сетка идеологий.

Примерами эффективного воздействия современных идеологий на реальную политику являются процессы взятия под контроль постсоветского пространства. Эти процессы были запущены нашими оппонентами на Украине, в Молдове, в Средней Азии и в самой России. Хрестоматийным образцом подобной идеологической экспансии является Украина. Там за два постсоветских десятилетия были реализованы многие идеологические и информационные программы, проекты, созданы самые разные устойчивые формы, инструменты и механизмы идеологической работы, заявлены соответствующие идеологические бренды. В совокупности все это привело к формированию на Украине системной институциональной среды, благоприятной для продвижения и реализации западных культурных, общественных, политических и экономических интересов. И наоборот — все российские проекты, программы и отдельные игроки на Украине благополучно тонули в этой институциональной антироссийской среде. В результате уже удалось взрастить целое поколение украинцев, считающих себя отдельной европейской нацией, не имеющей ничего общего с «варварскими азиатскими ордами диких москалей». Подобная институциональная

среда, созданная прежде всего идеологическими методами и инструментами, обеспечила впоследствии самые благоприятные условия для реализации на Украине западных политических и экономических интересов.

На таком фоне необходимо еще раз отметить чудовищный архаизм подхода к этой теме в РФ. Например, некоторое время назад всерьез ставилась задача одномоментного создания некой «национальной идеи», которая раз и навсегда — при отсутствии государственной идеологии — заполнила бы этот зияющий смысловой вакуум. Приведенный пример также наглядно свидетельствует об абсолютном непонимании нашим политическим классом того факта, что современная идеология — это не образовавшаяся раз и навсегда реальность, но именно процесс, вернее, даже целая сеть или система процессов, сходящихся в итоге в заданной точке.

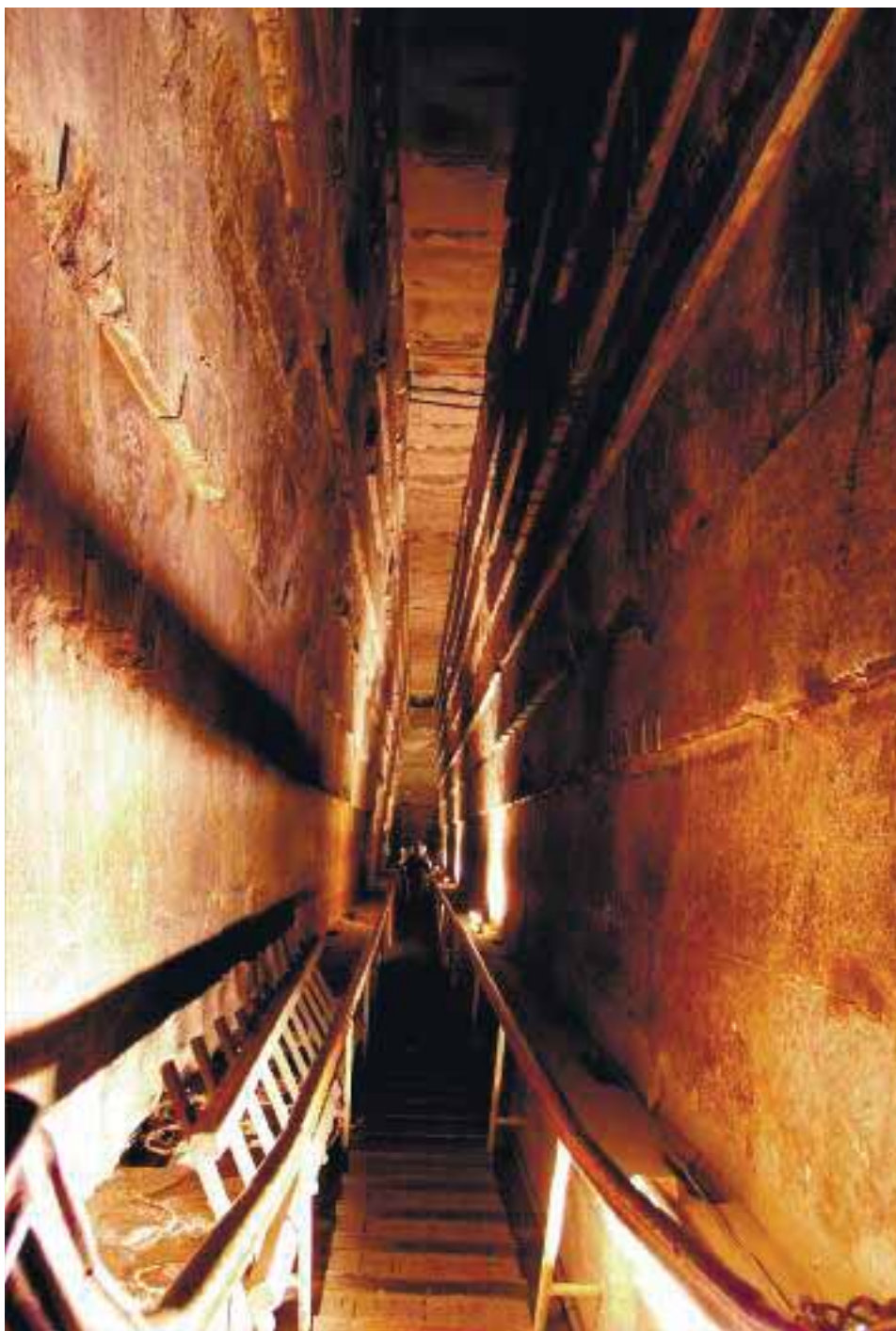
Именно так эта система выстроена на Западе (и — с подачи Запада — на постсоветском и восточноевропейском пространствах). Там современная идеология существует в виде сложной разветвленной сети, одни сегменты которой представлены теоретическими и академическими институтами, отдельными «звездами» социогуманитарного небосклона, художниками, писателями и деятелями культуры. Другие сегменты организованы в виде институтов, центров, лабораторий, упорядочивающих и оформляющих ключевые идеи и смыслы, разрабатываемые теоретиками. Далее следуют механизмы трансляции этих разработанных и оформленных идей и смыслов в виде издательских и образовательных программ, СМИ, PR-проектов, программ по обмену, исследовательских программ, гумани-

тарных проектов и пр. То есть не будет преувеличением сказать, что в развитых западных странах идеология представляет собой сложное высокотехнологичное диверсифицированное производство идей и смыслов. Производство, снабженное инфраструктурой для дальнейшей трансляции, продажи и адаптации данного продукта.

Системный провал выстроенной антисистемы в 2011–2012 годах

Именно в этом контексте и нужно рассматривать случившийся в конце 2011 — начале 2012 года грандиозный провал нынешней политической системы. Те тенденции в идейно-интеллектуальном поле, в информационной среде, в общественной жизни, которые развивались в течение последних лет, умудрились «не заметить» только действующая власть и обслуживающая ее «индустрия социсследований». Это также произошло не в последнюю очередь из-за того, что у них отсутствовал как таковой запрос на построение моделей будущего и на анализ идеологического пространства как среды для конструирования таких моделей.

Тогда, несколько месяцев назад, то социально-политическое поле, с которым действующая элита давно отказалась планомерно работать, вдруг стало возмущаться и создавать точки напряженности, причем все это началось как бы совершенно неожиданно для власти. Повестка дня и в какой-то мере ДБ начали формироваться независимо от «хозяев дискурса». Отказавшись от будущего как системного элемента своей деятельности, нынешний политический класс лишил себя этого самого будущего во всех смыслах. Конт-

Современная идеология – это не образовавшаяся раз и навсегда реальность, но именно процесс, вернее, даже целая сеть или система процессов, сходящихся в итоге в заданной точке.

роль над реальным общественно-политическим полем утрачен. ДБ формулируется независимо от пока еще номинально правящего политического класса. В ходе отмеченного процесса проясняются основные характеристики ДБ, выходят на по-

верхность главные действующие силы, игроки и идеологии этого будущего. Сегодня, после оглушительного обрушения «стабильности», после того как столь важный в российской политической традиции «жареный петух» уже клюнул, во властном дискур-

се, по сути, ничего не изменилось. Теми или иными способами продолжается апелляция к «стабильности», предпринимаются какие-то попытки «заиграть», «заморочить», «заколдовать» ситуацию, всячески делая вид, что ничего не изменилось и что «стабильность» будет продолжаться еще 10–12 лет, несмотря ни на что.

Между тем ситуация сегодня требует от власти именно актуализации ДБ в смысле интенсификации исследований и мобилизационной практической работы в этом направлении. Непосредственно перед президентскими выборами весной 2012 года, в самый разгар острого политического столкновения, Владимир Путин начал формулировать нечто похожее на перспективную идеологию, или программу развития страны на 10–15 лет вперед по всем ключевым направлениям – от евразийской интеграции до масштабной реиндустриализации. И народ – «большой народ», как его обозначили представители «креативного класса», – поддержал предложенный Путиным образ будущего. Но сразу после выборов все вернулось на круги своя. Началась привычная подкованная борьба, пошла дележка портфелей и бюджетов, и все проекты будущего, проекты развития опять как будто растворились в воздухе.

Сегодня налицо ситуация все более расширяющихся политических ножниц: запрос общества на образ будущего, на проект развития растет параллельно с нежеланием или неспособностью действующей власти такой проект или образ формулировать и реализовывать.

Разумеется, этим активно пытаются воспользоваться либеральные и антироссийские силы, поощряющие естественный рост оппозиционных на-

строений, настроений непонимания, разочарования, разрушения ожиданий того самого большого прорыва в будущее, о котором еще так недавно говорила верховная власть. Запрос на будущее, или на идеологию развития сегодня сформулирован российским обществом как никогда отчетливо и однозначно. Вопрос ставится уже не так: нужна нам эта идеология или нет. Он формулируется иначе: кто сформулирует эту идеологию и за кем пойдет не «креативный класс», а то самое «социально-консервативное большинство», которое составляет базовый социальный слой российского общества. Большинство, которое еще весной, несмотря на явное разочарование, проголосовало за Путина. Большинство, за которое сегодня разворачивается основная борьба. Удастся ли либерально-националистической оппозиции заручиться поддержкой этого большинства и сделать свой протест понастоящему массовым и тотальным? Или же это большинство все-таки обретет собственный голос, собственную идеологию, сформулирует собственный образ будущего и собственное социально-политическое представительство на российском политическом пространстве? Иначе говоря, сможет ли оно сформировать свою идеологию, свою элиту и свое будущее, или либералам опять удастся превратить этот базовый социальный слой в «биологическое топливо» в процессе реализации собственных эгоистических групповых интересов?

Для правящего же политического класса вопрос формулируется иначе: сможет ли наиболее активная и патриотическая его часть мобилизоваться и выступить выразителем интересов «социально-консервативного большин-

ства», по пути избавившись от либеральных сегментов в своих рядах?

Если правящий политический класс не сможет этого сделать, то он либо окончательно встанет на сторону либеральных и антироссийских групп, либо будет занимать, как сегодня, пассивную и выжидательную позицию. Но в последнем случае политический класс будет уничтожен — именно названными либеральными и антироссийскими группами. Единственное его спасение в том, чтобы стать, наконец, выразителем интересов большинства.

Пока же политический класс продолжает придерживаться своеобразной стратегии «системного недеяния».

«Системное недеяние» как ключевая стратегия господствующего политического класса

Бездействие нынешней власти при любых тревожных сигналах и даже уже при массовых антиправительственных и антигосударственных выступлениях, при протестных общественных и информационных движениях и кампаниях просто поражает. Власть показывает, что она ничего не хочет понимать, не хочет делать никаких выводов и по-прежнему лелеет в душе какие-то надежды на возвращение некой «стратегической стабильности нулевых», верит, что все как-то само собой рассосется. У даосов в древнем Китае была такая стратегия недеяния. Складывается впечатление, что именно эта стратегия выбрана в качестве основной линии поведения действующей российской властью. Несмотря на плачевные для нее итоги прошедшего политического сезона, она ничего не делает для того, чтобы хотя бы как-то изменить неблагоприятные тенденции.

Предпринимаются отдельные попытки противодействовать либеральному наступлению — но неадекватными методами: административным давлением, арестами отдельных «несогласных» и пр. Но все это бьет в основном мимо цели — и понятно почему. Неадекватный ответ, находящийся вообще в другой плоскости, нежели действия оппозиции, то есть в плоскости не идеологической, не информационной и не общественно-политической, обеспечивает моральное (да и интеллектуальное) преимущество либеральной оппозиции.

Кроме того, даже за этими чахлыми репрессиями нет никакой стратегии, нет идеи и внутренней убежденности. Зачем это все делается, как далеко готова пойти власть, во имя чего прессуют оппозицию? И почему, если уж прессуют, то так непоследовательно — шаг вперед, два назад? Что предлагают взамен, кроме сохранения сомнительного статус-кво? Все приведенные вопросы по-прежнему остаются без ответов, что также лишает легитимности эти действия власти — и без того не совсем понятные общественному сознанию. Власть постепенно теряет инициативу, полученную было после выигрыша, пусть и небесспорного, президентских выборов.

Самым же главным и трагическим для власти фактом является размывание — вследствие системной либеральной пропаганды и общественной активности — того самого «социально-консервативного большинства», которое до недавнего времени вполне можно было считать совпадающим с прежним «путинским большинством».

Такие важнейшие для России проекты, как, например, Евразийский союз, программа масштабной реиндустриализации и программа системной борь-

бы с коррупцией, обозначенные в ходе избирательной кампании Путина, сегодня полностью исчезли из информационного поля и из актуальной повестки дня. Более того, названные масштабные проекты сейчас не просто замалчиваются — госполитика разворачивается на этих важнейших направлениях на 180 градусов.

Например, программа новой индустриализации, о необходимости которой говорится на всех уровнях уже, как минимум, с первого путинского срока, оказывается под угрозой из-за вступления в ВТО. Социальные проекты, похоже, также летят под откос вследствие принятия новых решений о среднем образовании, о возможном введении ювенальной юстиции, о дальнейшей реформе ЖКХ и сферы здравоохранения.

Евразийская интеграция по-прежнему остается некой игрой постсоветских элитных групп и, не выходя на уровень общенародного мощного проекта по объединению постсоветских или исторических российских пространств, также безнадежно проваливается. Об этом свидетельствуют, например, недавний выход из ОДКБ Узбекистана, начинающийся хаос в Таджикистане, откровенная пронатовская ориентация Азербайджана, снова наметившийся дрейф Приднестровья в сторону Молдовы и Румынии, возросшая антироссийская активность Грузии на Северном Кавказе.

Не получили никакого практического воплощения и разговоры о необходимости включения социальных лифтов, о мобилизации новых социальных слоев и групп для управления страной, о необходимости формирования — исходя из меритократического принципа — новых элит. Назначение Игоря Холманских

полпредом президента в Уральском федеральном округе — ход, конечно, нетривиальный, но он только подчеркнул нерешенность проблемы на системном уровне. Требуется ротация элит в масштабах всей страны, а произошло лишь одно знаковое назначение — символ перемен вместо их реального осуществления.

Все это может, как и во время горбачевской перестройки, привести к развитию событий по неуправляемому сценарию. Но пока еще есть возможность взять ситуацию под контроль.

Будущее в контексте инерционного сценария

В результате продолжения политики «системного недеяния» и «стратегического выжидания» мы неуклонно движемся к неуправляемому сценарию развития событий — с масштабным социальным конфликтом, в который включится и «социально-консервативное большинство», с расколом страны на десяток враждебных друг другу небольших «национальных государств», находящихся, разумеется, под явным или неявным протекторатом «профильных» мировых и региональных держав-лидеров.

Такой сценарий, к сожалению, вполне реален, и именно его сегодня вольно или невольно реализуют те либерально-националистические силы, которые постепенно становятся мейнстримом нынешнего протеста.

Для нейтрализации этого сценария необходимо, наконец, признать, что наступление либеральной, или «болотной» оппозиции имеет системный и долгосрочный характер. Причины, породившие рост оппозиционной активности, были и остаются совершенно объективными. Либералы их вовремя подхватили и встроили в

структуру протеста, дабы сделать протест по-настоящему массовым и общенародным — что сложно, но возможно.

Мощное либеральное и антироссийское по своей сути наступление на власть и на государство будет продолжено, в этом нет никаких сомнений. Либералы станут структурироваться и эшелонировать свою деятельность по всем ключевым направлениям. Эти направления можно перечислить:

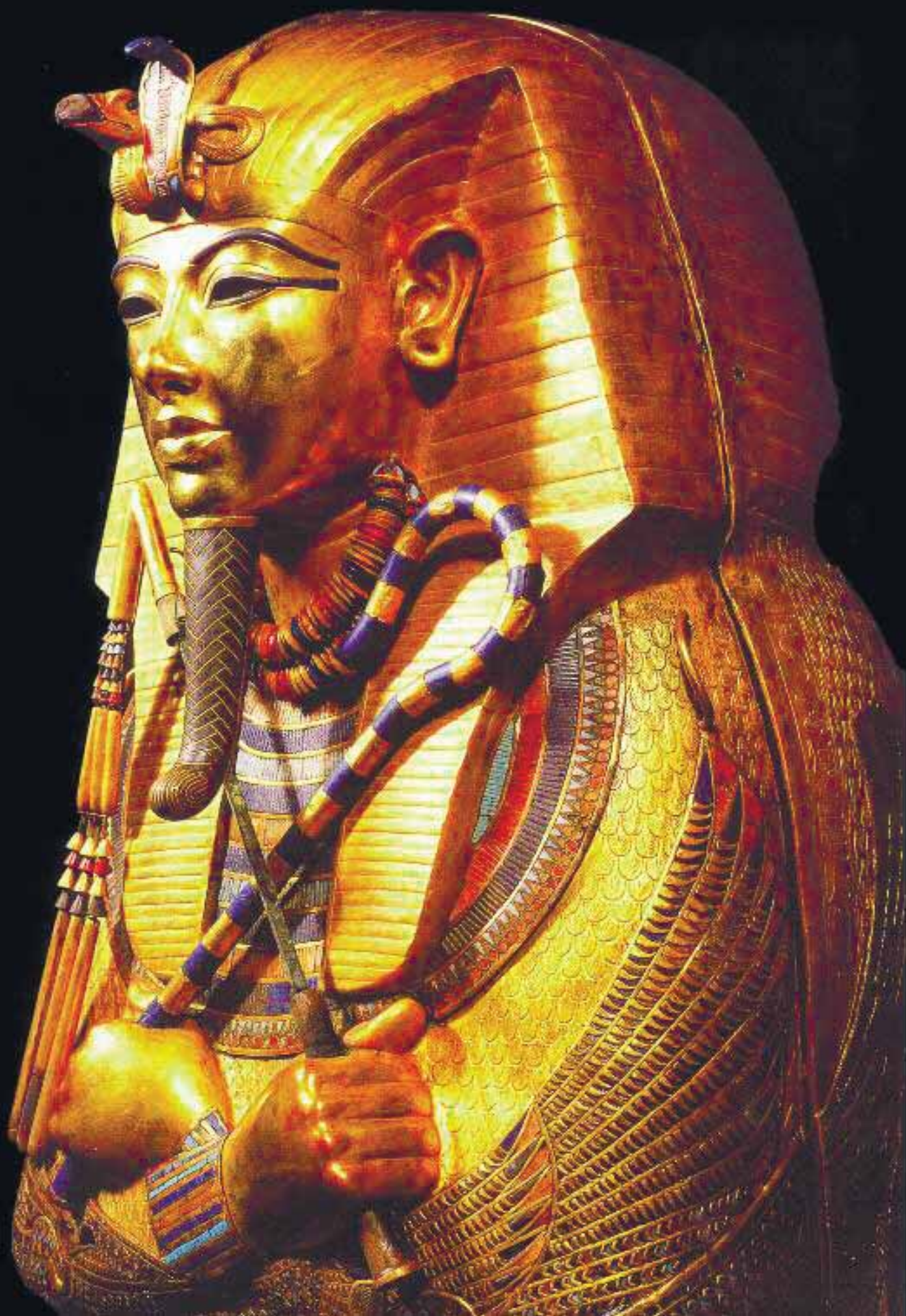
- ◆ дальнейшее развитие, диверсификация идеологической и информационной работы;
- ◆ углубление специализации информационных инструментов и механизмов (СМИ, в том числе региональные, сайты, соцсети, интернет-ТВ и пр.);
- ◆ перенос протеста в регионы;
- ◆ развитие общественной структуры протеста, внедрение новых форм работы, втягивание в протестную деятельность все новых групп населения.

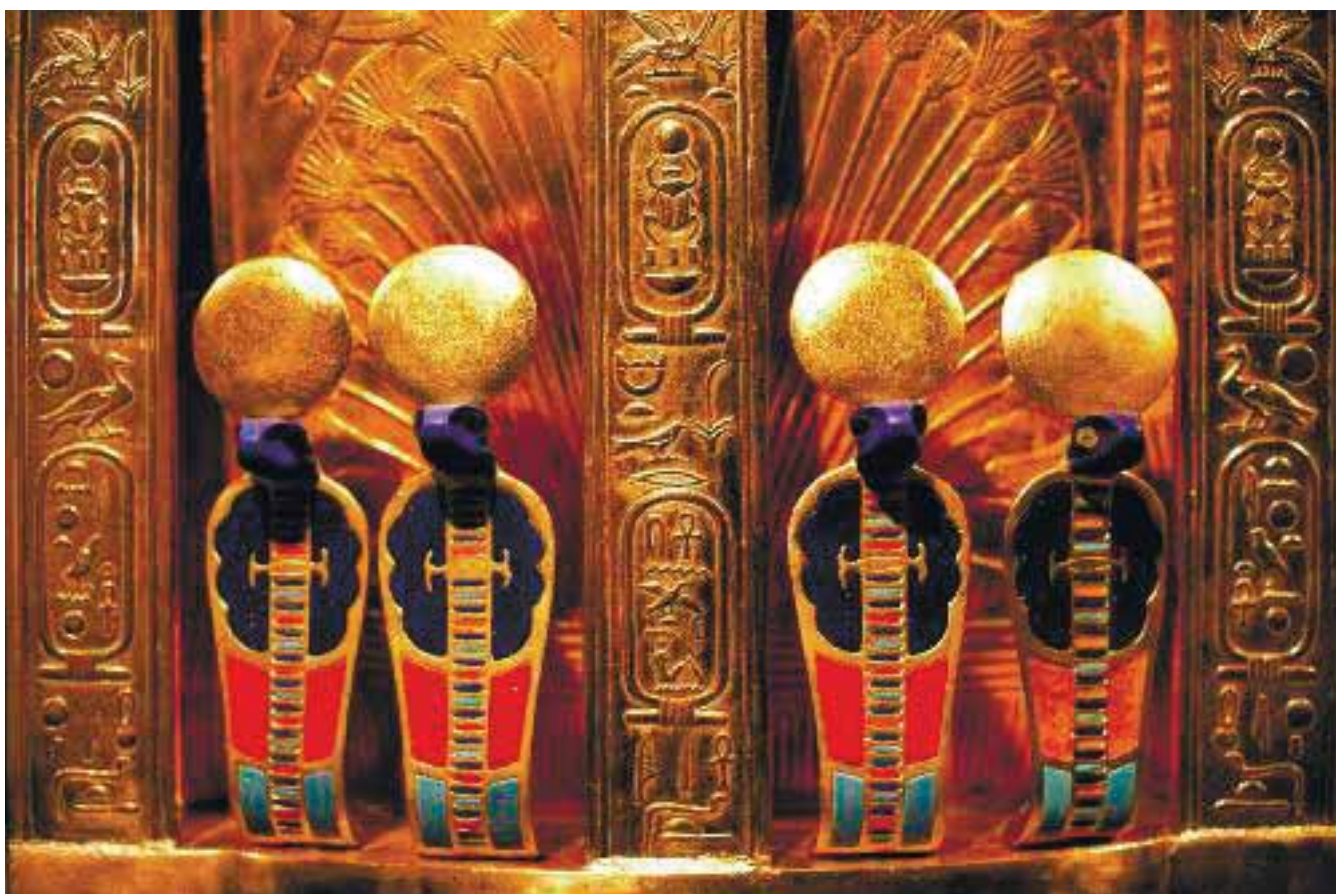
Отдельно необходимо отметить идеологическую диверсификацию, которую сегодня проводит либеральная оппозиция, стремясь — и небезуспешно — включить в свои ряды прежде традиционно антилиберальные силы как с левого, так и с правого флангов.

Ключевую роль в этой идеологической диверсификации играют «Левый фронт» и «надежды», сегодня уже практически открыто провозглашающие принцип: «Лучше быть американским протекторатом, чем путинской постсоветской империей» (такую идею проводят в своих выступлениях идеологи национал-демократии Станислав Белковский и Константин Крылов).

Нельзя не признать, что подобная работа уже приносит плоды. Сегодня в либеральных мероприятиях, во всех этих «болотно-сахарных» митингах и шествиях активно участвуют бывшие анар-

Сегодня, после оглушительного обрушения «стабильности», после того как столь важный в российской политической традиции «жареный петух» уже клюнул, во властном дискурсе, по сути, ничего не изменилось.

Сразу после выборов все вернулось на круги своя. Началась привычная подковерная борьба, пошла дележка портфелей и бюджетов, и все проекты будущего, проекты развития опять как будто растворились в воздухе.

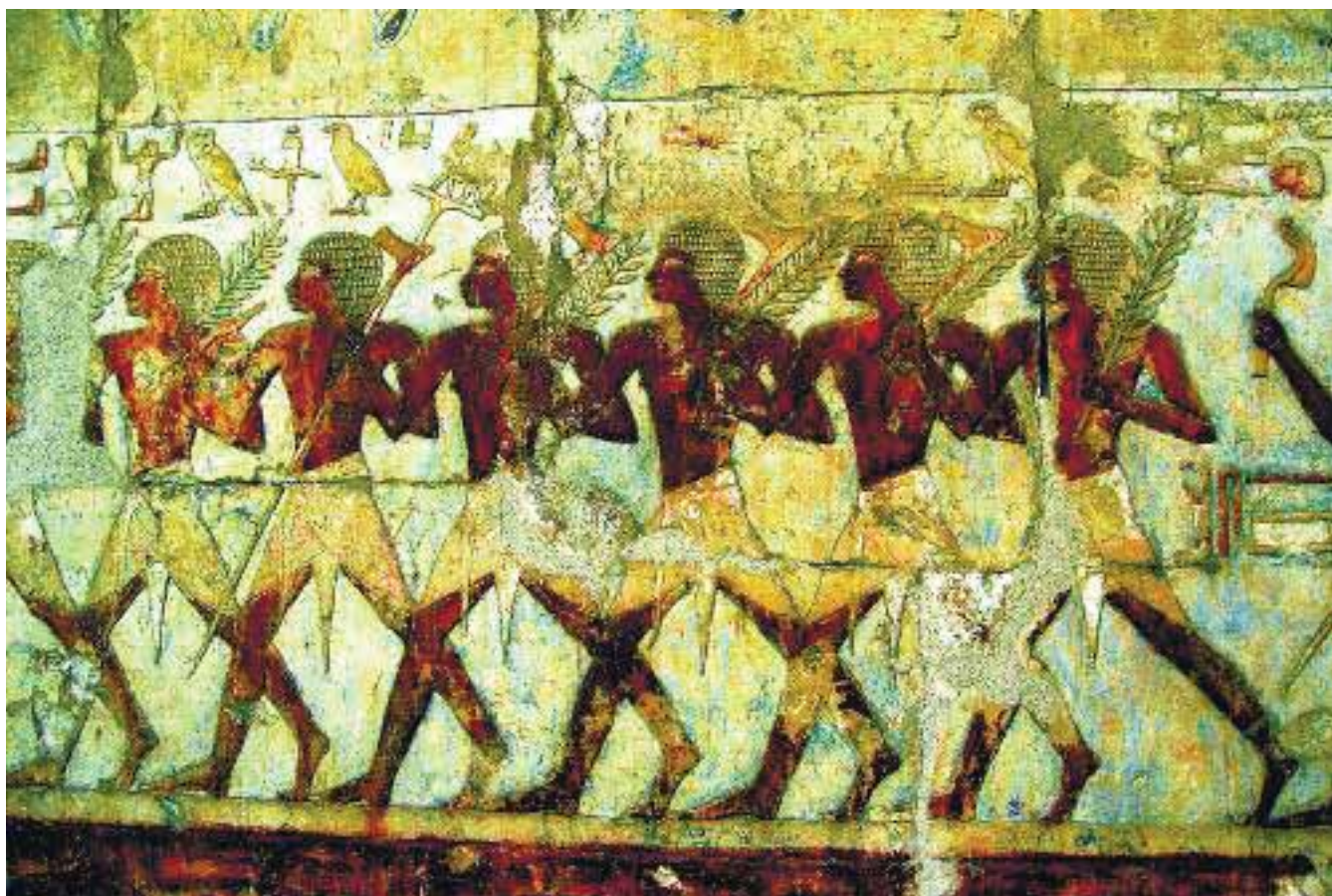
хисты, левые и националисты, которые — при всей не любви друг к другу — еще несколько лет назад консолидировались по принципу категорического неприятия именно либеральных ценностей, навязываемых России извне. Теперь же на фоне общей не любви к Путину они изменили свои базовые приоритеты на прямо противоположные, что иначе как массовым зомбированием назвать сложно. Тем не менее чисто технологически схема работает, и либералов можно с этим поздравить. На лицо идеологическая трансформация либерального протеста — переход от «чистого либерализма» к либеральным синтетическим формам с элементами национализма и левого движения.

Бесспорным идеологическим ноу-хау новейшего либерального движения следует считать осознание его архитекторами того факта, что в чистом виде либерализм не имеет в России никаких исторических и политических шансов, ибо страна и ее народ по-прежнему остаются приверженными традиционным консервативным и социально ориентированным ценностям и установкам. Поэтому, по всей видимости, принято решение целенаправленно работать на размывание традиционного российского «социально-консервативного большинства», объединяющего в своей неосознанной «народной» идеологии как государственнические и национальные, так и социальные и левые ценности. По сути, это

и есть — пускай, с оговорками — тот самый путинский электорат (в прошлом — «путинское большинство»), на размывание которого в наступающем политическом сезоне и делается основная идеологическая ставка нынешним либеральным движением.

Следует еще раз подчеркнуть ключевую роль в либеральных протестах последнего времени «нацдемов» — наиболее теоретически подготовленного и развитого крыла русских националистов — и «новых левых» (Сергей Удальцов, Борис Кагарлицкий и др.). Именно с опорой на эти силы предполагается превратить либеральный протест в настоящее массовое движение и затщить «под него» более широкие национально-патриотические и левые силы, а также простых россиян, им симпатизирующих.

«Национализмы» при этом будут использоваться как основной таран либерального протеста.

Во-первых, националистические (точнее, национально-патриотические) взгляды пользуются большой популярностью в широких массах. Поэтому «перетягивание» указанных сил под знамена либерального протеста может обеспечить ему столь пока недостающие «народность» и «масовость».

Во-вторых, в настоящий момент, как и в годы перестройки, государственная конструкция РФ крайне уязвима именно «по национальному вопросу». Если мы строим национальное государство, то какое место в нем предназначено русским и другим нациям? Насколько эти разные национальные проекты совместимы в рамках одного государства? Если же взят курс на некую наднациональную светскую империю, то почему об этом сегодня не заявлено прямо? Почему такая стратегия по-прежнему стыдливо скрывается за фасадом «ельцинской РФ» — не то «не-

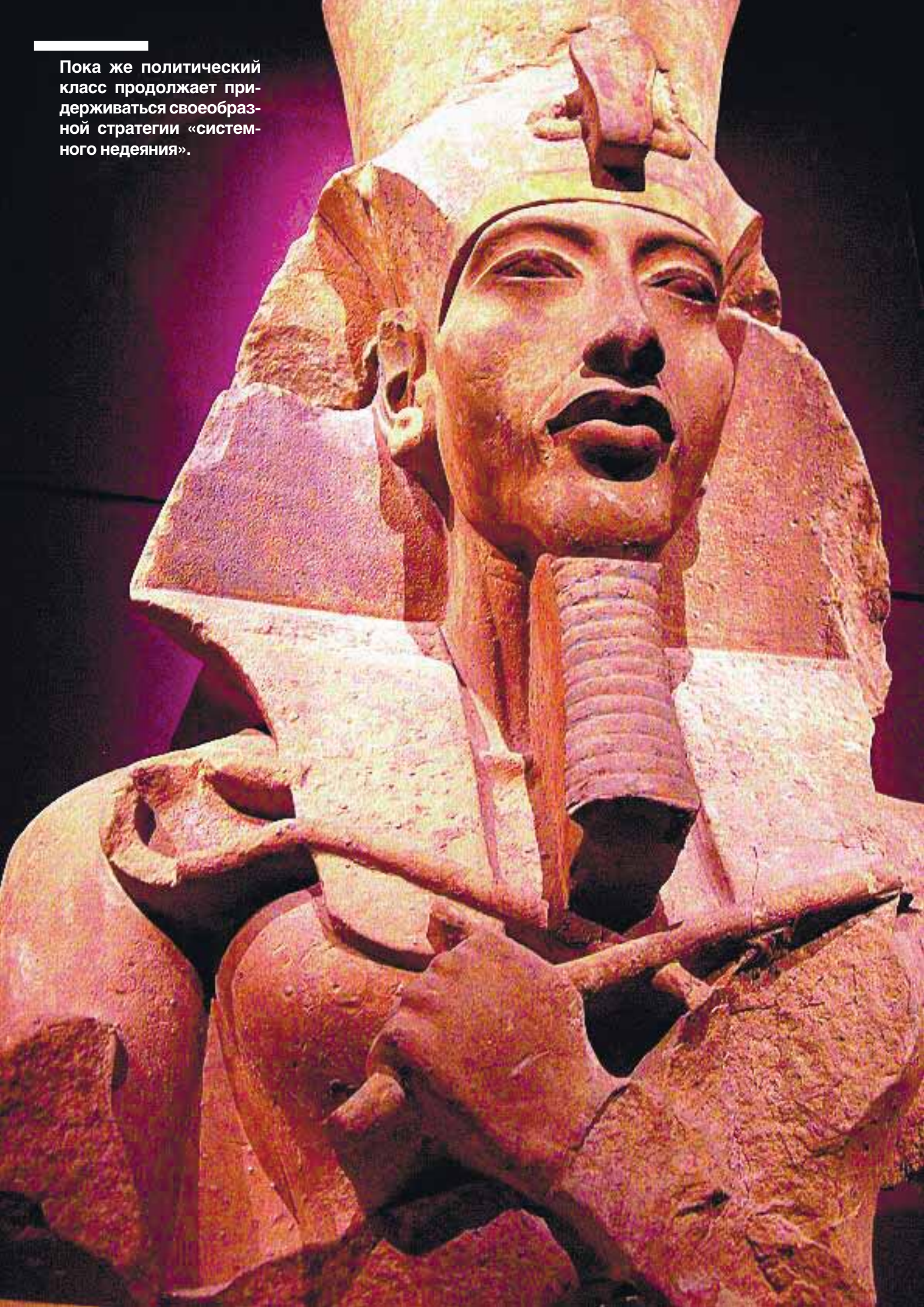
Вопрос ставится уже не так: нужна нам эта идеология или нет. Он формулируется иначе: кто сформулирует эту идеологию и за кем пойдет не «креативный класс», а то самое «социально-консервативное большинство», которое составляет базовый социальный слой российского общества.

доразрушенной империи», не то «недостроенного национального государства»?

С одной стороны, в центре и в «русских регионах» развивается «теоретический» и «системный» русский национализм, подпитываемый местными проблемами, усилением демографического давления на русское население, ростом так называемой этнической преступности. С другой стороны, в национальных республиках при попустительстве федеральных властей безраздельно господствует местная этнократия, власть неких семейно-клановых групп, формируемых по национальному признаку. Там же нагнетаются и местные национализмы, поощряемые этими этническими

властными группами, как часть их игры по шантажу федерального центра и обеспечению поддержки со стороны местного населения. Вместе с национализмами там расцветают и разного рода религиозные экстремизмы, что вкуче делает жизнь русского населения в таких субъектах федерации все менее возможной и, как следствие, ставит на повестку дня вопрос о дальнейшем пребывании этих территорий в составе РФ. Причем вопрос этот поднимается с обеих сторон — местными окраинными националистами и их «великорусскими» коллегами из столицы и других крупных городов. Стратегия национал-либерального наступления с

Пока же политический класс продолжает придерживаться своеобразной стратегии «системного недеяния».

включением в него также еврокоммунистов, евроэкологов и прочих представителей леволиберального спектра до деталей повторяет сценарии классических «цветных» революций на Украине, в Сербии, Грузии и других странах. Очевидно и системное сходство с перестройкой. И тогда борьба за «национальные ренессансы» и «суверенитеты» шла рука об руку со стремлением «войти в семью цивилизованных народов».

Конечной целью этой стратегии является дальнейший — и, скорее всего, окончательный и катастрофический — распад России на несколько небольших «национальных государств», враждебно и подозрительно настроенных друг по отношению к другу и находящихся под протекторатом различных мировых и региональных лидеров. То есть России как суверенному государству придет конец.

Надлежит обратить внимание и на синхронность действий либеральной оппозиции внутри страны и внешних усилий по наращиванию давления на Россию со стороны США и в целом западных стран, а так-

Надлежит обратить внимание и на синхронность действий либеральной оппозиции внутри страны и внешних усилий по наращиванию давления на Россию со стороны США и в целом западных стран, а также аппаратной активности либерального блока в самих властных структурах.

же аппаратной активности либерального блока в самих властных структурах.

Об этом можно судить и по усилившейся в последнее время активности вокруг России и даже внутри ее границ, которую развернули эти игроки. Например, Грузия открыто продвигает откровенно антироссийский проект некоего «Большого Кавказа», или «Общего Кавказского Дома». Суть этого проекта сводится к информационному, а затем и политическому отторжению южных территорий России в пользу этого панкавказского объединения. Курировать же «Большой Кавказ» будет Грузия, разумеется, под присмотром США. В рамках этой новой грузинской стратегии развиваются и соответствующие институты вроде телекомпании ПИК, вещающей на кавказские республики РФ, и «дочерние» идеологические и политические проекты наподобие

возрождения «Великой Черкессии» — никогда ранее не существовавшего государства, призванного объединить адыгские (черкесские) народы Кавказа. Идеологическим тараном всей затеи является, конечно же, борьба против Олимпиады в Сочи — как «праздника на костях». Кампания активно поддерживается и спонсируется Соединенными Штатами и Евросоюзом. Сюда же, в этот гипотетический «Черкесский Союз» или в «Большой Кавказ», потихоньку подтягиваются и Абхазия — через различные «межкультурные диалоги», конференции, форумы и прочие проекты и технологии *soft power*.

Бездействие же российских властей — как федеральных, так и региональных — в очередной раз просто поражает. Они не могут и не хотят ничего противопоставить экспансионистской и подрывной ан-

тироссийской работе в этом проблемном для страны регионе. Точно исполненные некоего «скорбного бесчувствия» власти смиренно наблюдают за развитием ситуации. За тем, как Грузия, проиграв в открытом военном столкновении, стремительно набирает очки в продвижении собственного нового имиджа «кавказского регионального лидера» и восстанавливает свое влияние в идеологической, информационной и политической сферах. Уже сегодня для многих жителей Северного Кавказа грузинская пропаганда и созданный ей образ «идеального европейского государства и его просвещенного и демократичного президента», образ «грузинского чуда» (кстати, активно возносимый московскими либеральными СМИ) — серьезные аргументы в их дискуссиях с местными властями, авторитетный моральный ориентир.

Подобная же эрозия российского присутствия и влияния наблюдается на всем постсоветском пространстве и в «дальнем зарубежье». Позиция руководства РФ здесь также отличается пассивностью и непоследовательностью — опять-таки в силу отсутствия четкого и ясного образа будущего. Симптоматично, что с подачи некоторых западных экспертов о России все чаще говорится как о «больном человеке Евразии» — по образцу Османской империи XIX века. Деградация российской внешней политики волнует всех, кроме самих российских чиновников. Голоса о необходимости новой интеграции в Евразии звучат сегодня с Украины, из Приднестровья и Молдовы, из Средней Азии и даже из «дальнего зарубежья». Это ли не наглядный пример того, как мировое общественное мнение опережает российские чиновничьи стандарты и бюрократические подходы?

Если инерционный сценарий возобладает, то Россию ждет системный крах и полный коллапс в течение ближайших лет. Произойдет взаимное наложение друг на друга нескольких критических факторов, что и может привести к обрушению всей конструкции российской государственности. Надлежит выделить следующие критические факторы:

- ♦ продолжающееся «системное недеяние» и полный паралич нынешних элит, полная утрата контроля над актуальной повесткой дня, окончательное расслоение правящего политического класса, кризис нынешней управленческой структуры РФ;
- ♦ дальнейшее развитие и оформление либерального протеста, его распространение в регионы, приобретение протестантами новых ресурсов, расширение их социальной базы, окончательный перехват ими инициативы у властей — протест делается массовым и практически общенародным, оставаясь под управлением либеральных элит;
- ♦ усиление националистических и других радикальных составляющих протеста в федеральном центре (русские национал-демократы ставят вопрос о создании русского национального государства — государства русских — с закреплением этого статуса в основных правовых документах «нового государства» и параллельным заявлением о намерении интегрироваться в ЕС и во все другие европейские и западные структуры);
- ♦ ответное провозглашение суверенитета окраинными национальными республиками и даже удаленными от федерального центра южными, сибирскими и дальневосточными регионами, передел земель и ресурсов на спорных территориях с последующими конфликтами, в том числе вооруженными;

♦ осложнение ситуации экономическими и социальными кризисными явлениями, связанными как с неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктурой, так и с наступлением последствий принятых ранее непродуманных решений (ВТО, реформы ЖКХ, образования, здравоохранения и пр.), вследствие чего либеральный и национальный протесты получают колоссальную подпитку от социального взрыва в РФ;

♦ усугубление внутреннего кризиса внешними факторами: все более явной поддержкой протеста со стороны ЕС и США, усиливающимся давлением на российские власти, обвинениями в репрессиях по отношению к протестантам, политическими и экономическими санкциями и пр.;

♦ активизация соседей РФ — сателлитов США и самостоятельных игроков — и предъявление ими новых и реанимация старых политических, экономических и территориальных претензий, в частности, со стороны Норвегии, Финляндии, Польши, Германии, стран Балтии, Турции, Грузии, Китая, Японии.

Существуют ли позитивные сценарии развития ситуации в России?

Возможно, конечно, что для того или иного позитивного сценария требуется полное исчерпание предыдущей парадигмы существования. Парадигмы, господствующей вот уже четверть века и заключающейся в «избавлении от империи» и стремлении интегрироваться в некое «цивилизованное сообщество». Здесь уместно вспомнить то представление о кризисе, которое выработала греческая и в целом античная традиция. Согласно этому представлению, негативная тенденция — прежде чем быть

полностью отринутой и преодоленной — должна до конца проявиться во всей своей полноте и глубине. В соответствии с этой логикой кризиса сегодня наблюдается оживление, иногда буквальное, почти всех основных перестроечных лозунгов, идеологем, проектов и требований. Иными словами, предлагается как бы не завершенная 20 лет назад программа перестройки — только в ускоренном варианте исполнения. Однако «хитрость истории», о которой говорил Гегель, может на этот раз, при второй попытке «перестроить Россию» (вернее то, что сегодня от нее осталось), привести к обратному эффекту. Россия, подойдя к опасной черте — возможно, вплотную, — мобилизуется и откажется «перестраиваться до смерти». Разумеется, это не произойдет само собой, и инерционный сценарий придется поломать самым решительным и последовательным образом. Как именно?

Во-первых, надо будет признать, что программа, лежащая в основе политических процессов в РФ и на постсоветском пространстве и реализуемая в течение последних 20 лет, полностью исчерпана. Эта программа может быть условно обозначена как программа «общества переходного периода», или программа перманентного существования России как общества переходного периода — переходного от «отсталого советского тоталитаризма» к «современному западному либерализму». Вся псевдоидеология, все

Ключевой вопрос текущего политического момента: хватит ли у ныне действующего в РФ политического класса — или даже скорее у его небольшой и лучшей части — воли, ресурсов и решимости, чтобы самому стать субъектом этой системной переориентации реализуемого сценария? Ведь речь идет ни много ни мало о революции сверху.

реалии новейшей российской истории, все многочисленные жертвы и потери, которые понесла Россия на протяжении последних 20—25 лет, оправдывались именно необходимостью перехода к «нормальному обществу», или к «современному либеральному капитализму». Идеология переходного периода незаметно стала для России каким-то неизбывным и универсальным алгоритмом ее существования — алгоритмом, оправдывающим отсутствие принципиальных решений и развития по всем ключевым направлениям.

Во-вторых, придется признать, что наш собственный — рос-

сийский и советский — опыт государственного и общественного строительства не был по определению отсталым, ущербным, неполноценным, достойным лишь отрицания и переработки в качестве некоего исторического гумуса, сырья для строительства «нормального цивилизованного общества». Сейчас, несмотря на исступленное противодействие со стороны либеральных элит, такая реабилитация нашего собственного исторического опыта идет и набирает обороты. Причем не только в российском обществе, но и на постсоветском пространстве.

В-третьих, необходимо снятие запретов на ДБ, о которых говорилось выше. Потребуется создание целой сети исследовательских и продуктивных идеологических производств, фабрик идей прогностического характера.

В-четвертых, все попытки выкрутить на альтернативный сценарий развития окажутся тщетными без демонтажа либеральной идеологической машины, выстроенной в РФ за четверть века. Или, по крайней мере, необходимо ее уравновешивание сравнимыми по мощности и влиянию идеологическими и информационными институтами, инструментами и механизмами. Сегодняшний господствующий идеологический, интеллектуальный и информационный контекст делает постановку и реализацию серьезных задач по развитию страны невозможным.

В-пятых, вырваться из инерционного сценария не получится без кардинальной ротации элит. Поскольку старые элиты, разумеется, по доброй воле никуда не уйдут, возможно, уже в ближайшем будущем на повестку дня будет поставлен вопрос о массовых репрессиях в отношении нынешнего политического клас-

са. Звучит это, конечно, шокирующее, но альтернативы его основательной чистке просто не существует. Не исключено, что в видах подобной перспективы верхушка политического класса запустит, наконец-таки, социальные лифты.

Что касается содержательной стороны необходимых перемен, то с этим, как это ни парадоксально, все более или менее ясно. Сегодня практически любая сфера — от науки и образования до промышленности и сельского хозяйства — нуждается в срочном запуске механизмов системного развития. Конкретных же программ такого развития написано за последние годы огромное количество. Дело лишь в их грамотном, исходящем исключительно из государственных интересов кастинге.

Следует отдельно сказать о Евразийском союзе как новой системной интеграции постсоветского пространства. Чудом является уже то, что в наших условиях этот проект вообще удалось сформулировать и поставить на повестку дня. Несмотря на личное участие и явную заинтересованность в нем Путина, нынешний российский политический класс названный проект явно саботирует. Заявленное прошлой осенью интеграционное начинание превратилось в очередную сытную кормушку для чиновников с почти нулевым эффектом на выходе.

Ключевой вопрос текущего политического момента: хватит ли у ныне действующего в РФ политического класса — или даже скорее у его небольшой и лучшей части — воли, ресурсов и решимости, чтобы самому стать субъектом этой системной переориентации реализуемого сценария? Ведь речь идет ни много ни мало о революции сверху. Пока же, к сожалению, происходит лишь топтание на месте и стремление любой ценой зацепиться

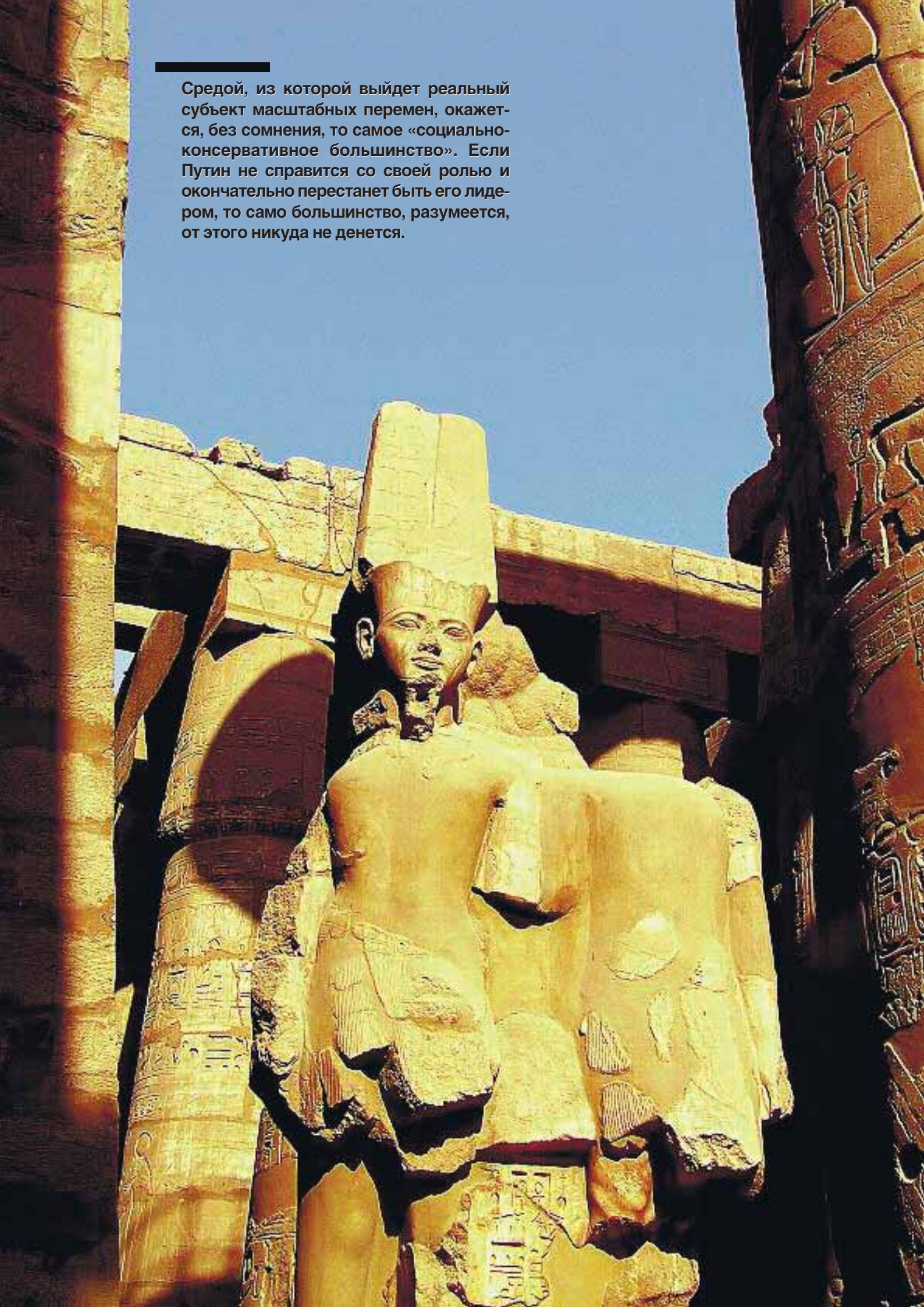
за уже рассеявшуюся «стабильность». А значит, у теперешнего политического класса очень немного шансов возглавить разворачивающиеся революционные процессы.

Откуда возьмется новый политический класс?

Средой, из которой выйдет реальный субъект масштабных перемен, окажется, без сомнения, то самое «социально-консервативное большинство». Если Путин не справится со своей ролью и окончательно перестанет быть его лидером, то само большинство, разумеется, от этого никуда не денется. Оно выдвинет новых лидеров, новые группы, сформирует новый политический класс, который и станет главным создателем будущего. Возникает вопрос: откуда «вдруг» возьмется этот новый политический класс, который все перевернет, запустит масштабные программы развития, уничтожит нынешних клептоманов и либералов?

Приведенный вопрос чаще всего задают именно представители нынешнего политического класса, именно они говорят об отсутствии реальных альтернатив им самим. То есть элита в очередной раз остается верной сама себе. Она надежно блокирует как сами идеи и программы развития, так и агентов, потенциальных акторов, субъектов этого развития. Не замечать возможностей развития, прорыва к новой повестке дня, к новым перспективным задачам, не замечать те социальные силы и группы, не замечать, наконец, тех конкретных личностей, которые могли бы эту новую повестку дня сформулировать и реализовать, — для нынешней элиты условие ее собственного выживания. Поэтому аргументы элиты, что подобных сил нет («покажите их, мы их не видим, кто

Средой, из которой выйдет реальный субъект масштабных перемен, окажется, без сомнения, то самое «социально-консервативное большинство». Если Путин не справится со своей ролью и окончательно перестанет быть его лидером, то само большинство, разумеется, от этого никуда не денется.

Процесс радикальной смены элит уже запущен, и сегодня надо говорить не о том, действительно ли это так, а о том, как скоро ротация произойдет и насколько радикальной она станет. Появление «третьей силы», настроенной крайне критически по отношению как к господствующему политическому классу, так и к так называемому либеральному протесту, очевидно.

эти люди, таких людей нет»), не выдерживают никакой критики. Не видеть, не замечать

новые силы и новых людей — основная работа современного политического класса РФ.

Эти силы и эти люди есть. Они просто сознательно, намеренно задвинуты на обочину политического процесса либеральным меньшинством, сформировавшим элиту в конце 80-х — начале 90-х. Не потому ли эта элита так опасается конкуренции со стороны пока еще остающихся в тени акторов будущего? Не потому

ли она исступленно культивирует представление о том, что если «путинское большинство» и существует, то уж никакой элиты, никакого нового политического класса оно из себя «выдавить» точно не в состоянии. Можно напомнить многочисленные характеристики «социально-консервативного большинства», в обилии придуманные и щедро транслируемые в общественное сознание либеральными (да и властными) информационными и идеологическими центрами, институтами и лидерами. «Быдло», «анчоусы», «насекомые», «перхоть», «гномики», «гопота» — далеко не полный перечень подобного «социогуманитарного творчества». Занимаются такой «классификацией», как правило, различные самоназначенные «эксперты», «обозреватели» и «аналитики», сами имеющие за плечами более чем скромный образовательный и профессиональный багаж. Они пребывают в святой уверенности, что некий мутный и неverified статус «представителя экспертного сообщества» позволяет им заниматься наклеиванием ярлыков, причем с явным оттенком социальной и даже национальной сегрегации и шовинизма, если не сказать большего.

Однако реальная интеллектуальная сила, реальные компетенции и творческие возможности — именно у «социально-консервативного большинства». Ведь в ходе «либеральных реформ» на обочину оказались вытесненными как раз профессионалы, лишь немногим из которых удалось наняться высокооплачиваемыми пиарщиками и интеллектуальной услугой к олигархату или в околослужбные структуры. Поэтому этим самым «теневым креативным классом» накоплена колоссальная энергия, необходимая для мас-

штабных преобразований. Незря ведь его все эти годы диффамировали, вытаскивали на обочину, игнорировали и шельмовали — то есть «разогревали» до состояния, требующегося для решимости бороться за собственное новое социальное качество.

Процесс радикальной смены элит уже запущен, и сегодня надо говорить не о том, действительно ли это так, а о том, как скоро ротация произойдет и насколько радикальной она станет. Появление «третьей силы», настроенной крайне критически по отношению как к господствующему политическому классу, так и к так называемому либеральному протесту, очевидно. В течение 2012 года прежде разрозненные группы, центры, объединения самой широкой консервативно-патриотической направленности, аналитические институты, издательства и редакции небольших газет и журналов, некоторых телекомпаний и интернет-порталов и даже отдельные журналисты, политики, общественные деятели, относящие себя к этой идеологической платформе, медленно, но верно находили друг друга, объединялись, налаживали коммуникации. Причем происходили эти процессы, что примечательно, не только в РФ, но и фактически во всех бывших советских республиках. Так постепенно, но последовательно сплетается заново та сеть, та социальная ткань, которая была разорвана, вдавлена в землю и закатана под асфальт еще два с лишним десятилетия назад.

Объединительное движение это пока еще очень осторожно и даже в каком-то смысле эфемерно, но оно тем не менее идет, ширится, темпы и охват его деятельности нарастают с каждым днем.

Лидеры либерального протеста, находящиеся сегодня в

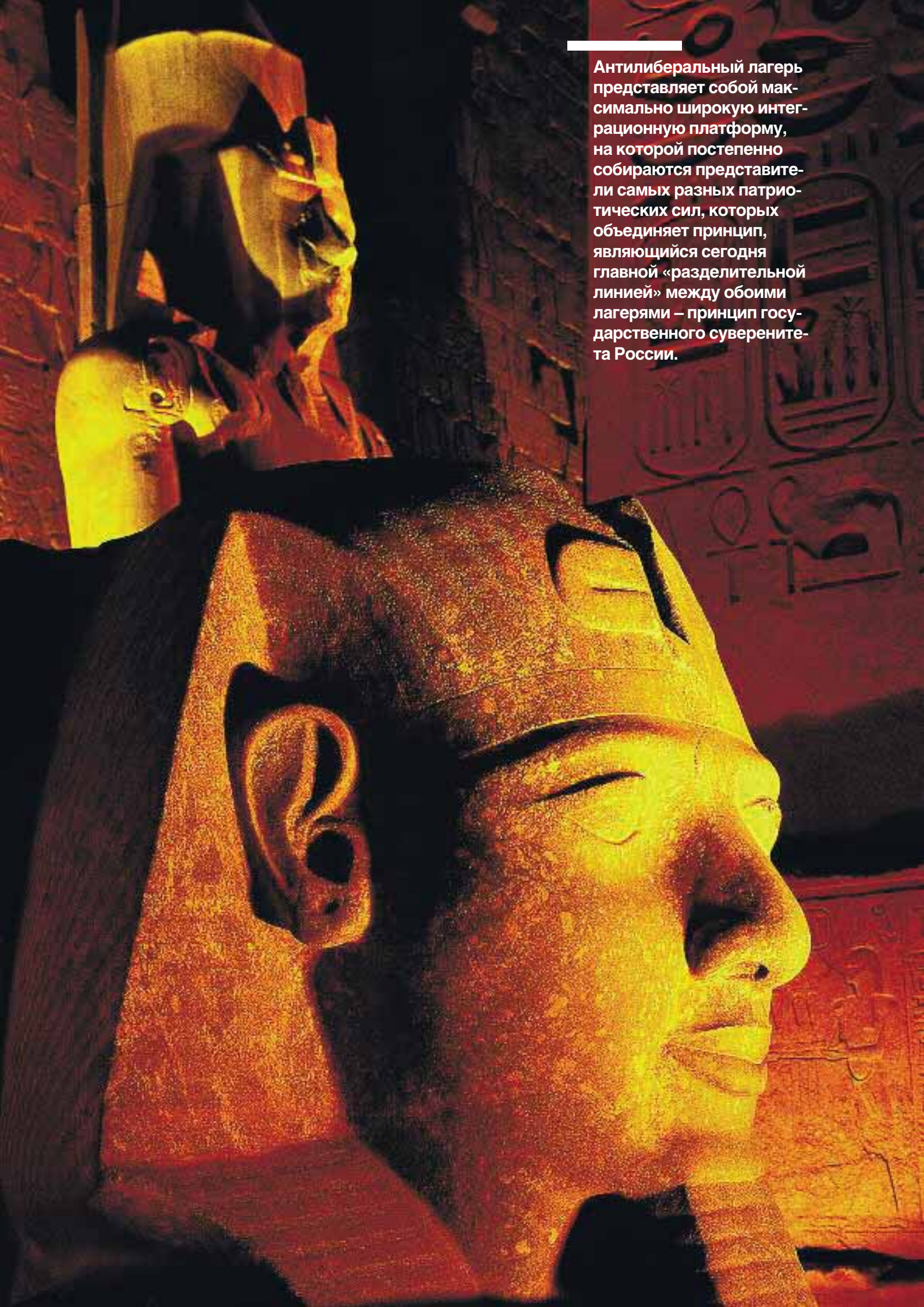
центре общественного внимания, разумеется, эти новые нелиберальные тренды старательно не замечают или, что еще симптоматичнее, пытаются шельмовать как «путинизм», соглашательство и даже коллаборационизм, чтобы сохранить собственную монополию на политическую повестку дня.

В борьбу за повестку дня на стороне «социально-консервативного большинства» активно включаются силы, работающие на реинтеграцию постсоветского пространства на Украине, в Молдове и Приднестровье, в Казахстане и других государствах Средней Азии и даже в странах Балтии. То есть этот проект не является лишь внутрикорпоративной игрой ныне действующих элит, но становится подлинно общенародным начинанием. Не исключено, что процесс восстановления нашей страны, как это уже не раз бывало в истории, начнется именно снизу, с бывших окраин империи, что вполне объяснимо на фоне тотальной недееспособности центральных элит. Эти ощущения, в частности, подтвердились в ходе моей поездки на Украину летом 2012 года, где я убедился в том, что интеграционные и антилиберальные силы здесь сейчас активны как никогда и они также консолидируются и начинают постепенно перехватывать инициативу у местных националистов и либералов.

Борьба за Россию неизбежна, и она уже началась

Подведем итоги.

Одна из ключевых характеристик текущего момента заключается в том, что механизм системной трансформации на российском (постсоветском) пространстве уже запущен, борьба за Россию и ее будущее разворачивается на

Антилиберальный лагерь представляет собой максимально широкую интеграционную платформу, на которой постепенно собираются представители самых разных патриотических сил, которых объединяет принцип, являющийся сегодня главной «разделительной линией» между обоими лагерями – принцип государственного суверенитета России.

наших глазах и свернуть ситуацию обратно, в некую «стабильность», конечно, уже никому не под силу.

Единственный позитивный сценарий — как для нынешних элит, так и для страны в целом — поскорее понять логику этой системной трансформации и самим активно включиться в процесс — хотя бы для того, чтобы быть в нем не только пассивным объектом, но и действующим субъектом, способным как-то влиять на развитие ситуации. В контексте такой системной трансформации происходит стремительная консолидация сил и накопление их на двух противоположных полюсах российской политики, в двух главных антагонистических лагерях. Эти лагеря условно можно обозначить как лагерь либерально-националистический и западно-ориентированный, с одной стороны, и лагерь социально-консервативный, патриотический и нацеленный на сохранение суверенитета России и его дальнейшее наращивание, с другой стороны.

Первый лагерь консолидируется вокруг идеи продолжения в РФ прозападных экспериментов — вплоть до полной утраты суверенитета — в контексте «борьбы с империей» как с воплощением всемирного зла. Именно из-за такого контекста этим лагерем объявляется тотальный запрет на любые интеграционные попытки на постсоветском пространстве.

Указанному кипящему многообразием форм различной активности, задающему ныне медийную повестку дня либеральному лагерю даже не противостоит, но готовится противостоять лагерь социально-консервативный, или патриотический. Его ценности и идеологемы прямо противоположны либеральным. Основной ориентир — срочный мобилизационный проект по

восстановлению в полном объеме России на всем ее историческом пространстве как сильного социального светского суверенного государства — и в то же время как многонациональной империи. А также подведение черты под идеологией переходного периода и под любыми попытками переформатировать Россию в «небольшое национальное государство европейского типа», что по определению невозможно и смертельно для нашей страны.

Антилиберальный лагерь представляет собой максимально широкую интеграционную платформу, на которой постепенно собираются представители самых разных патриотических сил, которых объединяет принцип, являющийся сегодня главной «разделительной линией» между обоими лагерями — принцип государственного суверенитета России.

Для антилиберального лагеря недопустима уже сама постановка под вопрос этого фундаментального принципа. В то же время либеральные и националистические идеологи и публицисты сейчас уже открыто говорят о том, что суверенитет страны не является самоцелью, что-де не нужно делать из него священную корову, что иной протекторат — просвещенный западный контроль над «варварской Россией» — предпочтительнее «варварского» суверенитета. Именно так сторонники нового либерального наступления постепенно легализуют в общественном мнении и информационном пространстве тему ограничения суверенитета России, перехода ее в статус протектората «цивилизованного» Запада.

Разворачивается борьба и за основной социальный слой РФ, за то самое «социально-консервативное большинство», которое либералы все-

ми возможными способами пытаются затащить в свое протестное движение. Какому из обоих политических лагерей удастся заручиться поддержкой этого «социально-консервативного большинства», тот и победит, сделав собственный сценарий будущего России безальтернативным.

Речь идет не просто о столкновении двух сил или двух элитных группировок. За этим столкновением — решение таких основополагающих вопросов, как вопрос о собственности в РФ, вопрос о судьбе нынешних элит, вопрос о внешнеполитическом курсе России, вопрос о судьбе постсоветского пространства. Поэтому начинающаяся сегодня борьба будет серьезной, длительной, до конца, до полной победы одной из сторон. Никакой стабильности в ближайшие годы точно не предвидится, а значит, единственный вариант рационального поведения в сложившейся ситуации — правильно понять характер борьбы и занять в этой борьбе то место, которое соответствует подлинным глубинным интересам каждого участника.

Эта борьба — борьба за Россию, за ее будущее и за само существование нашей страны. Никаких компромиссов в этой борьбе не будет, так как то, за что стороны борются, — слишком важные жизненные ценности. Но в любом случае открытая борьба предпочтительнее, чем то медленное загнивание, которое имело место последние 20 лет.

Лично я уверен, что Россия сохранится и победит в этой борьбе, что либерально-националистический сценарий будет уничтожен, что мы станем свидетелями и участниками нового масштабного мобилизационного проекта на всем постсоветском пространстве. Иной возможности выжить у нас просто нет.